

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Куц Николай Викторович

Е.Ф. РОЗЕН: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – *Ивинский Дмитрий Павлович, доктор филологических наук, профессор*

Официальные оппоненты – *Васильев Сергей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»*

Кулагина Ольга Львовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Юхнова Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы Института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится «15» февраля 2024 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП 1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет, ауд. 1060.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2845>

Автореферат разослан " ____ " _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Жизнь и творчество барона Егора Федоровича Розена (1800–1860) – остзейского немца, ставшего русским литератором, поэта, критика, драматурга, переводчика, более всего известного как автор либретто к опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) – неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, но из-за относительной немногочисленности документальных свидетельств (архив Розена не сохранился¹) наши представления об источниках его замыслов, эстетических установках, творческой эволюции, литературных знакомствах и связях, отношении к тем или иным крупным явлениям русской литературы до сих пор остаются неполными. В истории его жизни и трудов, литературных отношений с Пушкиным и другими известными современниками, как и у многих «второстепенных писателей», есть ряд лакун, требующих дополнительных разысканий. Развернутая научная историко-литературная биография Розена до сих пор не написана. При этом в последние десятилетия исследовательское внимание к «второстепенным» фигурам, подобным Розену, в русской филологии только возрастает, что поддерживается, в частности, продолжающимся изданием словаря «Русские писатели: 1800–1917». Этим объясняется **актуальность** предлагаемого исследования.

Цель нашей работы – подготовить первую развернутую историко-литературную биографию Розена и тем самым расширить поле известного о жизни и творчестве писателя в рамках изучения литературы «второго ряда» и «литературного быта» пушкинской и послепушкинской эпохи.

Задачи определяются предположением о возможности создания научной биографии Розена, для которой необходимо:

1. Систематизировать и критически проверить имеющиеся сведения о жизни и творчестве Розена;
2. Подготовить «летопись» жизни и творчества поэта;
3. Учесть прежде не попадавшие в поле зрения исследователей сочинения Розена, в числе которых есть тексты, нуждающиеся в атрибуции

¹ См.: Вацуро В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 344.

авторства;

4. Рассмотреть в первоначальном варианте биографии отдельные малоизученные сюжеты из жизни и творчества Розена – как собственно биографического характера, так и историко-литературного.

Объектом исследования стали жизнь и произведения Розена (лирика, проза, драматургия, критика).

Предметом исследования является литературная биография Розена, круг его литературных связей, этапы формирования литературной репутации.

Материалом для диссертации послужили воспоминания и дневники современников Розена, периодика 1820-х – 1850-х гг. (газеты и журналы, в которых сотрудничал или с которыми полемизировал барон), переписка Розена с А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, В.Ф. Одоевским, В.А. Жуковским, И.В. Киреевским, С.П. Шевыревым, Ф.Н. Глинкой, А.Ф. Воейковым, А.И. Подолинским, Ф.В. Булгариным и др.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на отсутствие широкого монографического исследования жизни и творчества Розена, заметные шаги в этом направлении уже сделаны. Первым на фигуру Розена в истории русской литературы обратил внимание В.И. Саитов², ставший первым же биографом писателя. Значительно дополнил собранные им сведения и сделанные им выводы В.Э. Вацуро³, интересовавшийся Розеном как драматургом и поэтом, близким к пушкинскому кругу, и Л.Н. Киселева⁴,

² Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. III. (Примечания). СПб.: Шереметев, 1908. С. 659–666; см. также: <Саитов В.И.> Розен, барон Егор (Георгий) Федорович // Русский биографический словарь. Т. XVI. Рейтерн–Рольцберг. СПб.: Имп. рус. ист. общество, 1913. С. 399–403.

³ Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 559–603; Вацуро В.Э. Из разысканий о Пушкине // Вацуро В.Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 513–523; Вацуро В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Вацуро В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 672–614. Вацуро В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 2007. С. 341–344; Вацуро В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина // Вацуро В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 3–222.

⁴ Киселева Л. <Н.> Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf (дата обращения: 10.03.2023); Киселева Л.Н.

изучавшая поэтику и идеологию трагедий Розена, его биографию, путевые очерки, а также специфическое национальное самоопределение остзейского барона как «русского европейца». В разное время Розен попадал в поле зрения А. Мазона⁵, Л.А. Черейского⁶, И.З. Сермана⁷, С.Г. Исакова⁸, А.Н. Архангельского⁹, Д.П. Ивинского¹⁰, М.Я. Вайскопфа¹¹, С. Гардзонио¹², Т. Ходжа¹³, Е. Ефимовской¹⁴, Е.В. Лобанковой¹⁵, С.К. Лашенко¹⁶.

Роман об остзейце и его автор // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018. С. 242–256; *Киселева Л.Н.* «Русский путешественник» барон Розен – европеец и космополит. Италия как его идеальная отчизна // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018. С. 228–242; *Киселева Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279–302; *Киселева Л.Н.* Эстляндец барон Е.Ф. Розен – борец за русскую народность // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 213–228; *Киселева Л.Н.* Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. // Лотмановский сборник, 4. М.: ОГИ, 2014. С. 279–297.

⁵ *Мазон А.* Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. Вып. 3. С. 473–484; *Мазон А.* Страничка из истории русской цензуры в конце 50-х годов // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1914. С. 247–253.

⁶ *Черейский Л.А.* Розен Егор (Георгий) Федорович // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. С. 374–376.

⁷ *Серман И.З.* Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1969. Т. IV. С. 118–149.

⁸ *Исаков С.Г.* Журналы «Esthona» (1828–1830) и «Der Refraktor» (1836–1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266. Тарту: <б. и.>, 1971. С. 16–52; *Исаков С.Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 98. Тарту: <б. и.>, 1960. С. 143–193.

⁹ *Архангельский А.Н.* В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Сов. писатель, 1991. С. 158–214.

¹⁰ *Ивинский Д.П.* Сцена «Ограда монастырская»: Пушкин, Мицкевич, Дельвиг, Розен // Пушкин: Москва: 1826: Альбом по материалам выставки в Государственном музее А.С. Пушкина: Август – декабрь 2006. С. 248–253.

¹¹ *Вайскопф М.<Я.>* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 696 с.

¹² *Garzonio S.* A 19th century poetical antecedent of Block's «Neznakomka»: (The lyrical cycle «Miloj neznakomke» by Baron Georgii Rozen) // Elementa: Journal of slavic studies and comparative cultural semiotics. 2000. Vol. 4. № 4. P. 303–309.

¹³ *Hodge T.P.* Susanin, Two Glinkas, and Ryleev: History-making in A Life for the Tsar // Intersections and transpositions: Russian music, literature, and society / edited and with an introduction by Andrew Varuch Wachtel. Northwestern University Press, 1998, pp. 3–19.

¹⁴ *Ефимовская Е.* «Варварские стихи» или «одушевленное слово»: еще раз о либретто «Жизни за царя» // Музыкальная Академия. 2004. № 2. С. 6–10.

¹⁵ *Лобанкова Е.<В.>* Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М.: Молодая гвардия, 2019. – 590 с.

¹⁶ *Лашенко С.К.* М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. № 22–23. 2020. С. 156–213.

Сколько-нибудь полное издание сочинений Розена не предпринималось ни при его жизни, ни после его смерти. Наиболее представительная подборка его лирики (четырнадцать стихотворений) дана в первом томе сборника «Поэты 1820–1830-х годов»¹⁷. Отдельные критические статьи в относительно недавнее время напечатаны в антологиях «Пушкин в прижизненной критике»¹⁸ и «М.Ю. Лермонтов: pro et contra»¹⁹.

Научная новизна нашего исследования определяется тем, что оно является первой попыткой крупного монографического труда, посвященного жизни и творчеству Розена. Работа опирается на подготовленную нами подробную «летопись» жизни и творчества писателя, объединившую в себе как хронику биографических событий, так и библиографию увидевших свет произведений Розена. Одновременно с этим атрибутируются и вводятся в научный оборот ранее не известные и неизученные тексты Розена.

Методологической и теоретической основой исследования является комплексный подход к анализу литературных текстов, включающий культурно-исторический, биографический, герменевтический методы.

В изучении жизни и творчества Розена мы, прежде всего, опирались на работы В.Э. Вацура, рассматривавшего творчество «забытых» литераторов на широком историко-культурном фоне, во взаимодействии в разнообразных литературных кругах и заполнявшего таким образом лакуны в истории русской литературы.

Поскольку создание «летописи» жизни и творчества писателя требовало обращения одновременно к эвристике и данным источниковедения, мы стремились учесть прежде всего классические методологические труды, относящиеся к соответствующим областям знания, в т. ч. Ш.-В. Ланглуа

¹⁷ Поэты 1820–1830-х годов / Биогр. справки, сост., подг. текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. Общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 551–579.

¹⁸ Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 259–269, 174–176; Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2008. С. 79–81.

¹⁹ М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. С. 145–158.

и Ш. Сеньобоса, П.Н. Беркова и др. В связи с проблемами литературы «второго ряда» и «литературного быта», неизбежно возникающими при работе с биографическим материалом, связанным с «второстепенным» писателем, мы обращались к трудам В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, М.Я. Вайскопфа и др.

Теоретическая значимость работы связана с опытом создания развернутого жизнеописания «второстепенного» литератора. Во введении к диссертации подробно обсуждается «биографическая проблема»: междисциплинарность жанра, его востребованность как в науке, так и в искусстве и т. д. Исходя из имеющегося материала, литературная биография Розена рассматривается нами как история становления и развития его литературных и идеологических предпочтений, раскрывающаяся в тесной связи с установленными фактами, характеризующими его взаимодействие с поэтами-современниками и сотрудничество с редакциями различных печатных изданий 1820-х – 1840-х гг., подчас враждовавших друг с другом.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных результатов при подготовке лекционных курсов по русской литературе первой трети XIX века, специальных курсов и семинаров, посвященных «второстепенным» литераторам и проблематике биографических исследований, а также при создании учебных пособий.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется привлечением широкого круга источников, подвергающихся критической проверке, и использованием методологических инструментов истории русской литературы, биографики, источниковедения и библиографии.

Апробация работы. Диссертация прошла апробацию при защите научно-квалификационной работы (НКР) по той же теме на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 13 сентября 2023 года. Основные положения и выводы настоящей работы были также апробированы в следующих докладах, прочитанных на международных и всероссийских научных конференциях: 1) «Е.Ф. Розен – поэт пушкинского

круга» (Всероссийская конференция «И в просвещении стать с веком наравне»: к 60-летию Государственного музея А.С. Пушкина, Россия, Москва, 8 октября 2017); 2) «История России в поэзии барона Е.Ф. Розена 1820-х годов» (XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2021», МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, 15 апреля 2021); 3) «Е.Ф. Розен против славянофильства: две статьи о “Московском сборнике” 1847 года» (XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, 18 апреля 2023); 4) «Е.Ф. Розен в пушкинском “Современнике”» (Всероссийская научная конференция с международным участием «А.С. Пушкин и русская литература», Россия, Москва, 29 ноября 2023); 5) Историософия Е.Ф. Розена (Вторые Богомоловские чтения, Россия, Москва, 11 ноября 2023).

Положения, выносимые на защиту:

1. В ранний период творчества Розен обращался сразу к нескольким литературным традициям – предромантической, романтической и в определенной степени «классицистической» – и экспериментировал в разных жанрах. Особое влияние на него в это время имели произведения Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Ф.Н. Глинки, К.Н. Батюшкова.

2. Первый этап творческого пути Розена отмечен преимущественным вниманием к жанрам исторической элегии и «байронической» поэмы («Развалины Десятинной церкви», «Святополк», «Ксения Годунова»), поисками оптимальных форм национально-исторического колорита. В пределах этого этапа имела место определенная динамика: Розен стремился к постоянному усложнению поэтики и изменению характера художественного освоения исторического материала. Наиболее показательным в этом отношении произведением Розена является его последняя романтическая поэма «Рождение Иоанна Грозного», отмеченная интересом и к «древности», и к «народности». Определяющее значение в исторических сочинениях Розена имели мотивы

«очистительной жертвы» и – особенно в поэме «Рождение Иоанна Грозного» – «династического греха».

3. Поэма «Рождение Иоанна Грозного», в которой был усилен драматический элемент, готовила почву для нового этапа в творческой биографии Розена – обращения поэта в начале 1830-х гг. к исторической драматургии.

4. На протяжении 1830-х гг. Розен тяготел к «пушкинскому кругу писателей», находясь на его ближней периферии.

5. Выраженную зависимость от Пушкина-литератора Розен испытывал на всем протяжении своего творческого пути. В число пушкинских произведений, оказавших на него наибольшее влияние, входят «Кавказский пленник», «Пророк», «Полтава», «Борис Годунов», «Капитанская дочка».

6. Непродолжительное сотрудничество Розена с «Литературными прибавлениями к “Русскому инвалиду”» А.Ф. Воейкова было связано с пушкинской темой: именно для «Прибавлений» предназначалась рецензия Розена на трагедию «Борис Годунов» (февраль 1831), не появившаяся там вовремя из-за охлаждения отношений с издателем и вскоре напечатанная Розеном на немецком языке (июнь 1833). Публикация этой статьи в «Прибавлениях» через три года в переводе вместе с неопубликованным фрагментом пушкинской трагедии «Ограда монастырская» (январь 1834) в какой-то степени была санкционирована Пушкиным, обдумывавшим второе издание своей трагедии.

7. В число публикаций Розена в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» необходимо включить четыре, подписанных «Р.». Это рецензия на роман Н.И. Греча «Поездка в Германию», заметки «Литературная новость» и «Поправка ошибки», а также эпиграмма на Н.А. Полевого «Историческою дрянью...».

8. В созданном Розеном либретто оперы «Жизнь за царя» отразилось влияние «Бориса Годунова». Как и в трагедии Пушкина, в опере не соблюдается единство места, а в композиции особое значение имеют народные сцены. Последняя из них, «Площадь перед Кремлем», в которой

ликующий народ поет знаменитый хор «Славься», дана в параллель заключительной сцене «Годунова», когда народ отвечает безмолвием на призыв славить нового «царя Димитрия Ивановича».

9. Во второй половине 1840-х гг. Розен утратил многие связи с пушкинским окружением, но не отошел от литературной жизни. В это время особое значение имеют его взаимоотношения с кругом журнала «Москвитянин».

10. Восприятие Розеном идеологии славянофильства было двойственным: выступая против нее с позиций просветительского «западничества», опиравшегося на Карамзина и Пушкина, и имперского официального патриотизма, решительно отвергая идеи панславизма, Розен сближался со славянофилами в представлениях о «неразмышляющей нравственности» русского народа, противостоящей «моральности размышляющей» Западной Европы.

Структура работы. Диссертация общим объемом 270 страниц состоит из введения, четырех глав, содержащих несколько разделов и подразделов, заключения, двух приложений, а также списка источников и списка исследований, в общей сложности включающих 291 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении**, носящем теоретический характер, определяются цели и задачи диссертационного исследования, его предмет и объект, обосновывается актуальность темы, показаны степень ее изученности и научная новизна, названы теоретико-методологические подходы, сформулированы выносимые на защиту основные положения, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости работы, ее структуре.

Помимо общей характеристики работы, во Введении дается определение биографии и краткий обзор истории этого исследовательского жанра в России и за рубежом, обсуждается проблематика биографических исследований. На конкретных примерах (книги «Борис и Глеб» А.М. Ранчина, «Павел I» А.М. Пескова, «Бедный Жозеф» Е.Э. Ляминой и Н.В. Самовер)

рассматриваются возможные подходы биографа к организации и интерпретации материала.

Перед учеными-биографами – а зачастую и перед авторами художественных биографий – встают проблемы, которые каждый решает по-своему: поиск, отбор, осмысление материала; реконструкция «белых пятен»; выработка адекватного материалу языка повествования; построение композиции; определение, насколько оправданно введение в повествование фрагментов из произведений, личных бумаг, официальных документов.

В зависимости от установок исследователя, наличия достаточного материала, обилия или нехватки достоверно устанавливаемых фактов биография может создаваться как: 1) «энциклопедия гипотез» и обоснованных исследовательских реконструкций, соотнесенных с историко-культурным контекстом; 2) повествование, построенное по принципу монтажа документальных свидетельств, писем, цитат и т. п. Зачастую в отдельных фрагментах одной биографии ученый может прибегать как к реконструкциям (при восстановлении лакун), так и к введению в повествование документов.

Научная биография писателя предполагает изучение многообразных связей творческой личности в литературных и общественных кругах. Для нее – в отличие от определенного типа беллетризованных биографий – характерно по возможности точное соблюдение принципа историзма. Поступкам героя необходимо искать такие объяснения, а произведениям литератора такие интерпретации, которые принципиально не противоречили бы его сознанию и сознанию его эпохи.

Первая глава «Ранние годы (1819–1827)» посвящена начальному периоду литературной биографии Розена, когда он служил в Елизаветградском гусарском полку в Воронежской, Саратовской, а затем Орловской губерниях, изучал русский язык, знакомился с современной русской литературой и пробовал свои силы в поэзии.

В разделе 1.1. «**Первые опыты**» рассматриваются ранние стихотворения Розена, носящие подражательный характер. Часть из них – непосредственные личные отклики на прочитанные им романтические поэмы. Так, стихотворение

«Черкешенка Пушкина», которым Розен дебютировал в печати в сентябре 1825 г. в «Дамском журнале» П.И. Шаликова, является своего рода мелодраматической маргиналией к заключительным сценам «Кавказского пленника». В другом опыте поэтического комментария – отклике на поэму «Эда» Е.А. Баратынского («К певцу Эды»), написанном в 1826 г., – Розен прямо отождествляет себя с гусаром, соблазнившим молодую финляндку, и делает отсылки к финалу поэмы.

Через подражание Розен усваивает поэтическую технику и романтическую топику. В его творчестве середины 1820-х гг. появляется тема безумия поэта («Умирающий Тасс»), продолжается начатая «Черкешенкой Пушкина» кавказская тема («Дева гор»); в элегиях «Тоска по юности», «Мой идеал» заметно влияние К.Н. Батюшкова.

В большом стихотворении «Греческая героиня» (1826) отразился интерес Розена к греческой войне за независимость, начавшейся в марте 1821 г. Это стихотворение, вместе с позднейшей повестью Розена «Константин Левен» (1831), вписывается в ряд произведений, проникнутых энтузиазмом в связи с «греческими делами» («Война», «Кинжал», «Гречанка верная...», «Эллеферия, пред тобой...» Пушкина и др.).

В разделе 1.2. «Зарождение интереса к истории России» прослеживается возрастающее на протяжении 1820-х гг. внимание Розена к истории Древней Руси и Московского царства, вдохновленное «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина и впоследствии ярко проявившееся в его поэмном творчестве и драматургии.

Уже среди первых поэтических опытов Розена можно найти одно стихотворение, написанное по мотивам древнерусской истории, – «Святополк» (1824), посвященное князю-братоубийце Святополку Окаянному. В стихотворении заметно влияние байронизма и, как нам представляется, оссианизма. Выбор героя обусловлен кругом чтения Розена – образ злодея Святополка взят поэтом из «Истории» Карамзина, но, по сравнению с морализирующим повествованием историографа, психологически усложнен в духе романтической поэтики. Древнерусский князь, типологически

соотносимый с байроновским Каином, представлен Розеном как байронический герой. Примечательно, что уже в первом стихотворении на историческую тему Розен проявил интерес к конфликту «чувства» и «долга» и мистическому аллегоризму, характерным для его позднейшего творчества. Историзм «Святополка» условен в той же степени, что и «древнерусский» колорит скудно обрисованных деталей – Розена интересует обуреваемый страстями герой в отрыве от его окружения и эпохи.

Еще более условен «древнерусский колорит» в другом раннем стихотворении Розена, навеянном чтением русской истории, – «Спящая Передслава (Отрывок)» (1826). Из исторического в нем только имя княжны Передславы (Предславы), дочери князя Владимира, сестры Ярослава Мудрого. В остальном стихотворение представляет собой романтическое описание погруженной в сон невинной красавицы с традиционной топикой.

Усложняется художественное осмысление древнерусской истории в стихотворении Розена «Развалины Десятинной церкви», которое он сочиняет в 1827 г., находясь какое-то время в Киеве (вероятно, с совершавшим маневры полком, который недавно был переведен в Орловскую губернию). «Развалины Десятинной церкви» – написанный высоким слогом опыт Розена в жанре исторической элегии, ориентированный на жанровый образец, заданный Ф. Маттисоном («Элегия, написанная на развалинах старого горного замка»), и его переложение Батюшковым («На развалинах замка в Швеции»).

Характер обращения к истории в раннем творчестве Розена во многом обусловлен жанровыми традициями. Если в байроническом отрывке «Святополк» поэта интересует внутренняя борьба «второго Каина», а в романтически-эпигонской «Спящей Передславе» – идеализированный облик прекрасной княжны, то в «Развалинах Десятинной церкви» события древнерусской истории получают функциональное назначение – они призваны напомнить об ушедших в легендарное прошлое рыцарских временах.

Вторая глава «В Москве и Ревеле (1828–1829)» обозревает краткий московский период творчества Розена, когда поэт только вступал в литературную среду, знакомясь с издателями и писателями.

В разделе 2.1. «**“Московский телеграф” и “Московский вестник”**» исследуется сотрудничество Розена в трех московских и одном ревельском журналах. К первым опытам поэта оказался гостеприимен не только «Дамский журнал» П.И. Шаликова, но и «Московский телеграф» Н.А. Полевого: с 1826 по 1828 г. в нем было опубликовано девять стихотворений Розена. Изредка бывая в редакции журнала во время службы, Розен познакомился там с Е.А. Баратынским, И.В. Киреевским и др. По его поздним отзывам о «Московском телеграфе» и его издателя можно судить, что Полевой оказывал Розену некоторое покровительство в начале творческого пути.

Весной 1828 г. Розен вышел в отставку с военной службы и временно поселился в Москве. По-видимому, к этому моменту относится знакомство поэта с московскими «любомудрами» В.Ф. Одоевским, М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым и А.С. Хомяковым, группировавшимися вокруг журнала «Московский вестник».

В «Московском вестнике» было напечатано только одно стихотворение Розена – философско-аллегорическая элегия «Лето жизни» (1827), в которой отразились влияния пушкинского «Пророка» и духовной лирики Ф.Н. Глинки. Сопоставление двух разных редакций этого стихотворения – 1827 г. и 1831 г. – показывает, что впоследствии Розен существенно переработал элегию. Не исключено, что первая редакция аллегорической пьесы была создана с учетом пожеланий, исходивших из круга «московских любомудров». Вторая редакция, которую Розен считал лучшей, свидетельствует об обращении литератора к ультраромантической поэтике, предвосхищающей эпигонскую поэзию 1830–1840-х гг.

В московский период жизни Розена вышел его дебютный сборник «Три стихотворения» (1828). В нем были напечатаны три романтические поэмы: «Марина», с подзаголовком «сельская повесть», «Ссылный» и «Ксения Годунова», заслужившие в «Северной пчеле» одобрительную рецензию О.М. Сомова, оказывавшего протекцию начинающему поэту в Петербурге и называвшего себя его «повивальной бабкой» в русской литературе.

Во время длительных отъездов на родину, в Эстляндию, Розен

сотрудничал в ревельском еженедельном немецкоязычном журнале «Эстона» (“Esthona”) Ф. Шлейхера, выходившем с 29 октября 1828 г. по 18 августа 1830 г., публикуя в нем серию переводов из современной русской литературы, преимущественно связанных с Пушкиным и его кругом. Вот эти переводы: статья «Нечто о характере поэзии Пушкина» И.В. Киреевского; «Пророк», «Буря», «Бахчисарайский фонтан», отрывки из пушкинского «Бориса Годунова» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре», «Граница литовская»), «русские песни» «Пела, пела пташечка...», «Соловей мой, соловей...» и «Романс» («Друзья, друзья, я Нестор между вами...») А.А. Дельвига, повесть «Русалка» О.М. Сомова.

Переводческая деятельность Розена в немецкоязычной печати поддерживалась Н.А. Полевым, кругом «любомудров» и О.М. Сомовым. Можно предположить, что переводчик выполнял в Ревеле некое «задание», связанное с популяризацией русской литературы и журналов «Московский телеграф» и «Московский вестник» в частности.

В разделе 2.2. «Исторические поэмы и баллады» изучается дальнейшее развитие интереса Розена к историческим темам. Новый этап в его творчестве ознаменовала поэма «Ксения Годунова» (1828). Вероятно, одним из импульсов к сочинению поэмы из времен Лжедмитрия послужили опубликованные в «Московском вестнике» и «Северных цветах» на 1828 г. фрагменты из «Бориса Годунова». По своей поэтике «Ксения Годунова» – романтическая поэма в байроническом духе, напоминающая о стихотворении «Святополк». В ее основании лежит свойственная жанру романическая интрига: Отрепьев изображен искренне любящим Ксению, чувства дочери Годунова к нему неоднозначны. Вместе с тем Розен впервые предпринимает попытку изобразить страсти героев на широком фоне национальной истории: через личное восприятие героини он показывает начало Смуты и гибель Лжедмитрия.

Итоговым опытом Розена в жанре романтической поэмы с историческим содержанием, завершающим его творческие искания 1820-х гг. и являющимся последней ступенью на его пути к исторической драматургии, стала большая драматическая поэма в трех частях «Рождение Иоанна Грозного» (1831). Розен

впервые обнаружил в ней интерес к бытовым подробностям (первая часть отрывается сценой царской охоты, в третьей части изображается свадебный обряд), «экзотическим» историзмам времен Московской Руси («ловчий», «крайчий», «Столовая брусяная изба», «терлик» и т. д.) и стилизованным под древность русским речениям.

Основное действие трех частей составляют терзания Василия III по поводу бездетности в браке с Соломонией Сабуровой, ее постриг в Рождественском монастыре, женитьба великого князя на Елене Глинской и рождение у нее, в течение трех лет после свадьбы с Василием не имевшей детей, сына – будущего Ивана Грозного. В разработке сюжета, описаниях и даже в передаче слов действующих лиц Розен показывает сильную зависимость от Карамзина, но добавляет к исторической фабуле мистическую кульминацию и утяжеляет поэму морализмом.

Чтобы смягчить катастрофичность известия о рождении будущего тирана и не допустить нежелательных трактовок, Розен добавил к поэме небольшой эпилог, проясняющий его историософские взгляды. Казни Ивана IV и темные времена Смуты поэт представил как «очистительную жертву» России, необходимую для искупления перед Богом грехов Василия III, а избрание на престол Михаила Романова и утверждение новой династии – как восход солнца, «обетованную зарю». Розен транслировал навеянную чтением «Истории государства Российского» идею о том, что личные преступления и пороки правителя, заслуживающие нравственного осуждения историка и потомков, не следует распространять на освященный Богом царский сан как таковой. Можно сказать, что для Розена, вслед за Карамзиным, «история России есть история ее династий, история самого монархического начала»²⁰. Меняются на престоле монархи, имеющие свои пороки и добродетели, но народ с покорностью принимает поставленную свыше власть, а царь как лицо, облеченное властью от Бога, несет за свои грехи и благие дела ответственность только перед Богом. Вместе с монархом ответственность разделяет вверенная ему Россия: «за преступление царя» казнится, за «добродетели царя»

²⁰ Ко́йре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 19.

благословляется.

Эту историософскую идею Розен развил в исторической балладе «Князья Горбатые-Шуйские» (1832) с подзаголовком «Быль времен Иоанна Грозного», посвященной утверждению Иваном IV опричнины и казни в 1565 г. двух князей Горбатов-Шуйских, Александра Борисовича и Петра Александровича, отца и сына. Сцена прощания князей перед плахой позволяет Розену в заключении баллады сравнить Россию, терпевшую испытания времен опричнины, с библейским праведником Иовом, непоколебимым в вере. По Розену, страдания и лишения времен собирания единого государства «четой грозных Иоаннов», при безропотной верности народа царю и Провидению, явились «очистительной жертвой» русского народа, были оправданы, и Россия в конечном итоге была вознаграждена за это нынешним имперским величием.

Третья глава «В Петербурге (1830–1839)» охватывает наиболее длительный и плодотворный период творчества Розена: от переезда в Царское Село и затем в Петербург (1829–1830), возвращения на военную службу в должности адъютанта при дежурном генерале Главного штаба (1831) до путешествия по Европе в качестве секретаря наследника престола Александра Николаевича (1838–1839). В это время литератор занимался изданием альманахов («Царское Село» на 1830 г. вместе с Н.М. Коншиным, «Альциона» на 1831–1833 гг.), много публиковался и был особенно близок к Пушкину и его окружению. В 1833–1836 гг. Розен создал свои главные трагедии («Россия и Баторий», «Петр Басманов», «Дочь Иоанна III») и получил широкую известность как либреттист «Жизни за царя», первой русской национальной оперы.

В разделе 3.1. «Дельви́г, дельви́говский кружок, “Альциона”» рассматривается знакомство Розена с Пушкиным и Дельвигом и его творчество в качестве поэта «младшего дельвиговского кружка».

Встреча Розена с Пушкиным состоялась в гостинице Демута, по-видимому, между 24 и 27 февраля 1829 г. при посредничестве С.П. Шевырева, находившегося в это время в Петербурге перед отъездом за границу. По свидетельству Розена, Пушкин попросил его о продолжении знакомства

и пригласил на воскресный вечер у Дельвига (вероятно, состоявшийся 3 марта). С этого момента Розен становится постоянным участником воскресных дельвиговских собраний вместе с А.И. Подолинским, Н.М. Коншиным, В.Н. Щастным, А.П. Крюковым, А.Я. Корсаком и М.Д. Деларю (эту группу поэтов В.Э. Вацуро назвал «младшим дельвиговским кружком»²¹). Он печатается в альманахе «Северные цветы», сотрудничает в «Литературной газете», вместе с Коншиным издает альманах «Царское Село» на 1830 г. – «спутник» «Северных цветов», посвященный Дельвигу.

В альманахе Розен помещает свою первую повесть «Розалия», несколько стихотворений: «Весталка», «Мертвая красавица», «А.Н. Дьяконову», «Прелестной москвитянке», «Аделина», «Не унывай», «Спальня», «Борьба», «Примирение» – и два отрывка из готовящейся исторической поэмы «Рождение Иоанна Грозного»: «Рынды» и «Псковитянин». Часть этих стихотворений на мотивно-образном уровне предвосхищает эпигонскую романтическую поэзию 1830-х гг. В стихотворениях «Мертвая красавица» и «Спальня» эротические мотивы причудливо сочетаются с религиозным восторгом. В «Аделине» представлен мотив безумия – девушка, потерявшая жениха, павшего в боях на Дунае, теряет рассудок. Анакреонтические мотивы звучат в стихотворении «Не унывай». Образы из стихотворения «Прелестной москвитянке» заставляют вспомнить рискованную образность В.Г. Бенедиктова. Из розеновских лирических опытов в «Царском Селе» наиболее примечательно аллегорическое стихотворение «Борьба» – вклад в наполеоновскую тему в русской поэзии. Встреча русских войск с императором французов в 1812 г. подается в традиционной одической топике: Наполеон – «титанов грозный сын», «в горящих латах исполин», Россия – «орел двуглавый».

Осенью 1830 г. Розен и Коншин собирали материал для нового «Царского Села», но в конце октября или начале ноября Розен внезапно прекратил литературные и дружеские связи с Дельвигом и покинул пушкинский круг.

²¹ См.: Вацуро В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина // Вацуро В.Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 3–222.

Основной причиной разрыва послужил критический отзыв Дельвига на только что вышедшую поэму Розена «Рождение Иоанна Грозного», но немаловажную роль сыграли и разногласия по поводу издания альманаха на 1831 г.: Розен рассчитывал поместить в него «лучшее» из припасенного пушкинским окружением для «Северных цветов», но получил отказ. 24 ноября 1830 г. барон писал Подолинскому: «И я в разладе с нашими литературными аристократами – что делать!»²²

Уходом из дельвиговского кружка можно объяснить тот факт, что в декабре 1830 г. Розен подал в Цензурный комитет прошение о перемене названия своего альманаха, уже подготовленного к печати (цензурное разрешение – 17 октября 1830 г.): вместо «Царское село» – «Альциона»²³. Переименовывая второе «Царское Село» в «Альциону», Розен подчеркивал свою издательскую независимость.

Несмотря на произошедший разрыв, Розен, в отличие от Подолинского, не думал враждовать с пушкинским кругом. В конце 1830 – первой половине 1831 г. он лишь укреплял и устанавливал некоторые связи за его пределами: печатался в «Северном Меркурии» и «Гирлянде» М.А. Бестужева-Рюмина, «Санкт-Петербургском вестнике» Е.В. Аладьина и «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А.Ф. Воейкова. И сам разлад с пушкинским кругом был недолгим: в мае 1831 г., забыв прежние расхождения, Розен откликнулся на смерть Дельвига стихотворением «Тени друга», исполненным запоздалого раскаяния. В это же время оживилось общение Розена с Пушкиным.

В разделе 3.2. «Пушкинский круг» подробно исследуются отдельные сюжеты личных и литературных отношений Розена с Пушкиным и участие Розена в журнальных полемиках на стороне «литературных аристократов» в 1830-е гг.

В подразделе 3.2.1. «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» изучается история сотрудничества Розена в газете А.Ф. Воейкова

²² Письма Розена Е.Ф. к Подолинскому А.И. // ОР РГБ. Ф. 232. К. 3. № 32. Л. 1 об.

²³ Егоркин А.И., Шляпкин И.А. Литературные дела архива Цензурного комитета // Пушкин и его современники. Вып. 29–30. Пг., 1918. С. 125.

в 1831–1832 гг. и анализируются опубликованные в «Литературных прибавлениях» материалы, в том числе впервые атрибутированные Розену (публикации под криптонимом «Р.»).

Сближение Розена с Воейковым произошло, вероятно, в ноябре – декабре 1830 г., после того, как барон прервал общение с издателями «Северных цветов» и «Литературной газеты». В тот момент он завершал сбор материалов для своего альманаха «Альциона» на 1831 г. и искал новых литературных связей.

Воейков привлек Розена, как и других посетителей его пятничных литературных собраний, к сотрудничеству в новой газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», которую он начал выпускать с 1831 г., и первое время это сотрудничество было весьма плодотворным. Розен в период «разлада с литературными аристократами» намеревался «прикрепиться» к какому-либо повременному изданию (с момента выхода в отставку в 1828 г. вопрос литературного заработка был для него существенным), и поэтому принял деятельное участие в газете: почти в каждом номере «Литературных прибавлений» за январь – февраль 1831 г. можно увидеть его стихотворения и рецензии на новые книги. Но уже весной интенсивность и качество этого сотрудничества заметно снижаются: в газете изредка появляются только ранние стихотворения Розена.

Причину этой внезапной перемены открывают сохранившиеся в РГАЛИ письма Розена к Воейкову²⁴, написанные в феврале 1831 г. Из текста писем становится ясно, что отношения Розена с Воейковым были натянутыми: в ответах барона отражено взаимное недопонимание и легкое раздражение. В конце февраля между Розеном и Воейковым происходит разрыв: автор и издатель не смогли договориться по поводу годового гонорара.

Письма к Воейкову существенно дополняют историю розеновской немецкой статьи о «Борисе Годунове». Выясняется, что развернутый разбор пушкинской трагедии первоначально был написан Розеном на русском языке и предназначался для «Литературных прибавлений». Воейков хотел поскорее

²⁴ Письма бар<она> Розена к А.Ф. Воейкову // РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 41. — 8 л.

опубликовать его в газете, пока выход печатного издания «Годунова» оставался литературной новостью, и поторапливал автора. Когда же, наконец, разбор был окончен, и Розен пообещал передать его Воейкову, случилась размолвка барона с издателем, и желаемую статью Воейков так и не получил. Она осталась на руках у Розена, и он, по-видимому, не мог найти близкого издания, готового ее напечатать. Только в июне – июле, вновь появившись в пушкинском окружении, Розен отдал статью О.М. Сомову для публикации в «Литературной газете» (не зная, что 30 мая вышел ее последний номер). Очевидно, это была новая редакция статьи: в ее немецком переводе, выполненном в январе 1833 г. (и опубликованном в июне того же года в журнале «Дерптские ежегодники»), отразилась работа Розена с рукописью «Годунова», которую он мог получить от Пушкина только в мае – июне 1831 г. Но основной ее текст, как мы полагаем, составила рецензия на «Годунова», написанная еще в феврале. Воейков, напечатавший русский перевод статьи (вероятно, не без ведома ее автора) в начале 1834 г. в «Литературных прибавлениях», как будто вспомнил о не полученном в свое время от Розена материале.

Знакомство Розена с Воейковым позволяло ему периодически использовать «Литературные прибавления» как площадку для выступлений против своих литературных оппонентов (Н.А. Полевого и К. фон Кнорринга), в том числе под криптонимом «Р.» (эпиграмма на Полевого) и псевдонимом Ксенократ Луговой. Вопреки ожиданиям Розена, воейковская газета не принесла ему литературного заработка: уже в конце февраля 1831 г. он прекратил постоянное сотрудничество в ней. По этой причине в 1831 г. читатели не увидели на страницах «Литературных прибавлений» развернутой рецензии Розена на трагедию Пушкина «Борис Годунов».

В подразделе 3.2.2. «Статья о “Борисе Годунове” и творчество Розена» отмечается связь литературно-критических построений Розена вокруг пушкинской трагедии и его собственных сочинений.

Розен высоко оценивал «Бориса Годунова». В своей развернутой рецензии на трагедию, запоздало появившейся в русской печати, он называл ее «трагедией судьбы». Единство драмы и ее внутреннее движение, по Розену,

обеспечивается неизменным присутствием в ней «тени царевича Димитрия», которая в последней сцене трагедии «как очистительную жертву принимает невинное семейство» Годунова.

Эта статья перекликалась с неоконченной рецензией Дельвига в «Литературной газете» (январь 1831). Очевидно, Розен был с ней знаком и отталкивался от нее в собственных критических построениях. Дельвиг первым выделил в «Борисе Годунове» мотив «очистительной жертвы» и тему судьбы в ее классически-античном понимании.

Обсуждение «Бориса Годунова», в которое на протяжении нескольких лет был вовлечен Розен, как нам представляется, оказывало влияние на его собственное творчество. Примерно в то же время, когда была актуальна его рецензия на «Годунова», Розен использовал и варьировал выделяемые им в пушкинской трагедии мотивы. Кара, налагаемая судьбой за совершенное преступление, и искупительная жертва, которую принимают Небеса, – эти мотивы стали определяющими в некоторых его лирических и прозаических опытах начала 1830-х гг., например, в мистической повести «Очистительная жертва» («Альциона» на 1832 г.) и балладе из ливонской истории «Казнь отца в сыне» («Альциона» на 1833 г.), названия которых говорят сами за себя. Эти произведения подробно анализируются.

В подразделе 3.2.3. «Пушкин в розеновской критике» рассматриваются печатные выступления Розена в поддержку пушкинского творчества в первой половине 1830-х гг. В период затишья в журнальной борьбе «литературной аристократии» с Ф.В. Булгариным (1832–1835 гг.) Розен посещал «четверги» Н.И. Греча (которого барон отличал от Булгарина, относясь к последнему негативно), печатался в «Сыне отечества и Северном архиве» (в том числе со статьей против Н.А. Полевого «Нечто о “Московском телеграфе”») и изредка выступал в качестве литературного критика в «Северной пчеле», подписываясь полным именем или криптонимом «Б. Р.». Его перу принадлежат две благожелательные рецензии газеты на сочинения Пушкина: на третий том «Стихотворений Александра Пушкина» (1832) и «Историю пугачевского бунта» (1835).

В статье о переводе романа Т. Мура «Эпикурец», выполненном А. Савицким, на страницах болгаринской газеты (1833) Розен упомянул Пушкина как писателя, который должен объяснить публике, что французская «неистовая словесность» идет по ошибочному пути. Вероятно, в этом заявлении звучит отголосок бесед с Пушкиным. Во всяком случае, спустя три года в пушкинском «Современнике» эта тема обсуждается сразу в нескольких статьях: «О движении журнальной литературы в 1834–1835 гг.» Гоголя, «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности» Пушкина и «О вражде к просвещению» В.Ф. Одоевского. Пушкин, как будто воспользовавшись советом Розена – объяснить публике, что новая, или «юная» французская литература впала в крайность и блуждает в лабиринте, но со временем выйдет на путь истины, – делится своим мнением о ней: «“Словесность отчаяния” (как назвал ее Гете), “словесность сатаническая” (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, сигарочная и пр. – эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики»²⁵.

Против «неистовой словесности» Розен выступал и на страницах «Сына отечества и Северного архива». В 1834 г. он опубликовал в журнале собственный перевод статьи Д. Низара «О начале упадка легкой литературы». Для Розена, как и для Низара, наиболее важна проблема нравственности современных сочинений. Барон, желая дать пример нравственного произведения, в одном из номеров «Сына отечества» за тот же 1834 г. поместил нравоучительную повесть «Майор Соболев», подписанную «Б-н Р-н», – о не состоявшемся по воле Провидения самоубийстве офицера, проигравшего за карточной игрой казенные деньги.

В подразделе **3.2.4. «Современник»** описывается предыстория и характер сотрудничества Розена в пушкинском журнале «Современник».

В декабре 1832 г. литератор звал своего приятеля С.П. Шевырева из Москвы в Петербург, сообщая: «Мы бы затеяли какой-нибудь дельный

²⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 70.

журнал, что есть общее желание петербургской публики»²⁶. Таким журналом в 1836 г. стал «Современник».

Розен отправил в первый том пушкинского журнала статью «О рифме», оригинальную как по тону, так и по основной идее. Это остроумная «пылкая инвектива» против рифмы в защиту белого стиха. Пушкин не случайно поместил перед ней «маленькую трагедию» «Скупой рыцарь», написанную безрифменным стихом. Очевидно, великий поэт соглашался с основными положениями статьи, несмотря на некоторую парадоксальность розеновских суждений. О том, что размышления Розена перекликались с мыслями Пушкина, свидетельствует статья последнего <«Путешествие из Москвы в Петербург»> (1833–1834), в которой поэт так писал о рифме: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало»²⁷.

В первой половине 1836 г. Розен полон энтузиазма в связи с выходом пушкинского журнала. Два раза, 4 февраля и 19 апреля, он вместе с письмами посылает Пушкину свои стихи, но в строгом к поэзии «Современнике» они не появляются. Отклоняется Пушкиным критическая статья о Н.В. Кукольнике и еще ряд материалов. Из всего предложенного Розеном Пушкину, помимо статьи «О рифме», попадает в «Современник» только отрывок из его трагедии «Дочь Иоанна III» под названием «Иоанн III и Аристотель». 19 апреля 1836 г. Розен посылает его Пушкину, и он попадает во второй том. Великий поэт, по-видимому, высоко оценил этот фрагмент с размышлениями об историческом возвышении Руси и природе государственной власти, поэтому и напечатал его в «Современнике». Не последнюю роль в этом сыграли и заметные переклички новой трагедии Розена с «Борисом Годуновым».

Розен, несомненно, интересовал Пушкина как оригинальный исторический драматург, обращавшийся к эпохе собирания единого русского государства («Россия и Баторий», «Дочь Иоанна III») и к истории Смуты («Петр Басманов»). Не исключено, что к драмам Розена, вдохновленным «Годуновым», Пушкин мог относиться так же, как к некоторым его лирическим

²⁶ Письма Е.Ф. Розена к Степану Петровичу Шевыреву // ОР РНБ. Ф. 850. № 474. Л. 6.

²⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 263.

опытам: воспринимать их как «отдаленный черновик собственных будущих творений»²⁸.

Характер отношений Розена с великим поэтом в конце 1836 г. позволяет считать, что активное сотрудничество барона в «Современнике» продолжилось бы и в следующем году, но внезапная дуэль и смерть Пушкина прекратили дружескую связь. Вместе с ней оборвались почти все связи Розена в пушкинском кругу. В «Современнике», издававшемся друзьями Пушкина, произведения Розена не публиковались.

В разделе 3.3. «Жизнь за царя» по-новому рассматривается история создания оперы. Нами были выделены две проблемы, связанные с ее обсуждением:

1. В случае оперы Глинки либретто нельзя изучать в отрыве от музыки. Для более взвешенной оценки розеновского труда необходимо обращаться к работам музыковедов;

2. Оформившаяся после 1836 г. репутация Розена и позднейший глинкинский миф о недовольстве своим либреттистом препятствуют беспристрастной оценке вклада поэта в создание оперы.

Как можно заметить, в музыковедческих работах последних лет есть тенденция оправдания Розена и признания того факта, что его вклад в оперу Глинки был существенным, хотя и неоднозначным. Барон вносил свои коррективы в композиционную и сюжетную часть оперы, а также проявил замечательные версификаторские способности, сыгравшие ключевую роль в том, что «Жизнь за царя» получила текст²⁹.

Известно, что на труд Глинки и Розена имел большое влияние В.А. Жуковский, предложивший композитору сусанинский сюжет и (по воспоминаниям дочери Розена, после предварительного согласования с Николаем I) кандидатуру либреттиста. Есть основания считать, что

²⁸ *Архангельский А.Н.* В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // *Архангельский А.Н.* У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991. С. 164.

²⁹ См. недавнюю крупную музыковедческую работу на эту тему: *Лащенко С.К.* М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // *Искусство музыки: теория и история.* № 22–23. 2020. С. 156–213.

Жуковский выступал в привычной для него посреднической роли между царем и Глинкой с Розеном (в случае с последним он уже однажды находился в этом амплуа – когда барон в 1834 г. по указанию Николая I переделывал трагедию «Россия и Баторий» в «Осаду Пскова» для постановки на театральной сцене). Жуковский сочинил свой вариант финальной сцены и впоследствии активно участвовал в разработке сценографии «Жизни за царя».

Возможно, Пушкин, даже если он не участвовал в обсуждении оперы на раннем этапе ее создания, оказывал воздействие на работу подспудно – через «Бориса Годунова». Жуковский в марте 1835 г., настоятельно вызывая Пушкина на совещание с Глинкой и Розеном по поводу «Жизни за царя», очевидно, понимал это.

Подобно пушкинской трагедии, в опере не сохраняется единство места: в первом печатном варианте либретто даже в пределах одного первого действия показывается то «село Домнино на реке Шаче» (явление I), то «бал у начальника польского отряда» (явление V), а в третьем действии – то «прогалина в дремучем лесу», то «Москва. Площадь перед Кремлем». Это роднит оперу с ее драматической предтечей, также оформлявшей идеологию «православия, самодержавия, народности», – драмой Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834), где действие переносится из Нижнего Новгорода в стан изменника Заруцкого под Москвой. То же можно сказать и о трагедии Розена «Россия и Баторий» (1833), вдохновленной «Борисом Годуновым»: ее действие происходит в царских палатах в Александровской слободе, в осажденном Пскове и в войске польского короля Стефана Батория.

Как в «Борисе Годунове», отброшено в «Жизни за царя» и единство времени. Временное измерение в опере вообще вызывает много вопросов: в либретто отсутствуют какие-либо ремарки о времени действия, нельзя даже узнать, в каком месяце происходит подвиг Сусанина («топь» в либретто соседствует с «метелью»). Также, подобно «Борису Годунову», в либретто Розена присутствуют народные сцены. Наиболее впечатляющая из них – финальное явление III третьего действия «Москва. Площадь перед Кремлем», в котором театральная сцена должна, согласно авторской ремарке,

«наполняться народом в радостном ожидании». Поющие в ликование хоры по случаю избрания нового царя Михаила («Славься, славься, наш русский царь! // Господом данный наш царь-государь!..»³⁰) в этом явлении даны словно в противопоставление гнетущей заключительной сцене «Бориса Годунова», в которой «народ безмолвствует», не желая приветствовать нового «царя Димитрия Ивановича».

Можно заключить, что национальная опера, созданная Глинкой – Розеном, составила параллель национальной трагедии, написанной Пушкиным. В этой связи, как можно заметить, «Жизнь за царя», вышедшая из окружения Жуковского, встраивается в ряд значимых культурных событий 1836 г., резко укреплявших позиции пушкинского круга: успех на сцене комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», получившей одобрение Николая I, и выход пушкинского «Современника». Но это тема отдельной большой работы.

Определяющим мотивом в «Жизни за царя» стал мотив «строительной жертвы»: подвиг самопожертвования Сусанина служит основанием нового счастливого царствования. Избрание царя Михаила сравнивается с зарей, восходом солнца. Замысел глинкинской оперы, таким образом, перекликается с предшествовавшими либретто произведениями самого Розена, в которых он разрабатывал близкий мотив «очистительной жертвы» и развивал, с опорой на Карамзина, собственную историософию. Ввиду этого можно заметить, что кандидатура Розена как либреттиста была неслучайной – и хотя трагедии Розена не «основали новый русский театр»³¹, как он сам предполагал, барон, благодаря своему опыту, смог внести посильный вклад в значительное культурное явление – первую русскую национальную оперу.

Четвертая глава «Поздние годы (1840–1860)» посвящена последним годам жизни Розена. После выхода в отставку в 1840 г. Розен, почти всеми забытый, жил с семьей в приобретенном им дачном доме в Полюстрове под Петербургом. Новые сочинения он публиковал преимущественно

³⁰ *Розен Е.Ф.* Жизнь за царя. Опера в 3 д. / Соч. барона Розена. Муз. М.И. Глинки. СПб., 1836. С. 72.

³¹ *Розен Е.Ф.* Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 272.

в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина и журнале «Сын отечества», в который его пригласил новый редактор, К.П. Масальский, возглавивший издание в начале 1842 г. В 1847 г., после почти трехлетнего перерыва в издании «Сына отечества» (1844–1846), Розен, вероятно, выступил одним из инициаторов его возобновления. С начала 1847 г. вплоть до завершения сотрудничества с К.П. Масальским в 1849 г. Розен принимал в журнале деятельное участие: был его бессменным рецензентом и фактически возглавлял отдел критики. Отдельные малоизученные эпизоды, связанные с сотрудничеством Розена в «Сыне отечества», рассматриваются в двух разделах главы.

В разделе 4.1. «Полемика с кругом журнала “Москвитянин”» представлен подробный анализ разгоревшейся в 1848 г. дискуссии Розена с кругом его прежних московских приятелей, прежде всего с С.П. Шевыревым, по поводу книги Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», а после – двух анонимных статей с разбором «Московского литературного и ученого сборника на 1847 г.», помещенных в «Сыне отечества» (написанных, как мы выяснили, Розеном).

Полемика велась на страницах «Северной пчелы» и «Сына отечества» (с одной стороны) и «Москвитянина» (с другой). Началом для нее послужила статья Розена «Поэма Н.В. Гоголя об “Одиссее”», опубликованная в «Северной пчеле» в августе 1846 г. В этой статье, сбивавшейся на фельетон, Розен подверг критике письмо Гоголя «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским». Несмотря на тон статьи, многие современники находили розеновскую критику убедительной, о чем сообщал Шевырев в письме к Гоголю осенью 1846 г. Однако в печати спор о Гоголе начался не в это время, а после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847), и открыла его напечатанная в январе 1848 г. статья Шевырева, в которой тот назвал Розена (без упоминания его имени) «полунемецким критиком». В ходе этой полемики, мелочной и иногда переходившей на «личности», Розен и заявил о своем авторстве анонимных статей о «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 г.» и о «Римских письмах» Н.А. Муравьева.

Анализ двух статей Розена о «Московском ученом и литературном

сборнике на 1847 г.», ставшем манифестом славянофильства и панславизма, позволяет заключить, что Розен выступал против славянофильства с просветительских позиций, тем не менее признавая самобытность исторического пути России и называя русский народ «представителем и единственным выражением всего славянизма». При этом судьбу западных славян он видел в слиянии с «миром германским», таким образом характеризуя себя как пангерманиста.

Можно отметить, что и расхождения, и частные схождения Розена с кругом «Москвитянина» во взглядах на историю России объяснялись просветительским «западничеством» барона, во многом схожим с его карамзинским и пушкинским пониманием. Можно также заметить, что специфические точки схождения Розена со славянофильством проявились в 1848 г. на фоне известий о европейских революциях: Розен 1847 г., времени рецензий на «Московский сборник», критичнее относился к идеологии славянофильства, чем впоследствии. Вместе с тем своеобразие представлений Розена о превосходстве русского народа над «западно-романскими» народами было обусловлено его собственной концепцией органичного соединения в русском народе «славянского» и «германского» начал. Эту концепцию Розен позже будет развивать в трактате «Отъезжие поля» (1857), в котором предпримет попытку доказать происхождение восточных славян от слияния племен скифов и готов.

В разделе 4.2. «Фольклоризм в творчестве Розена» в связи с поздней «русской идиллией» «Родник» (1843), появившейся на страницах журнала «Сын отечества», затрагивается вопрос отношения поэта к русскому фольклору. Розен замечал в автобиографии, что познакомился с народным творчеством в бытность гусаром, принимая участие «в играх деревенской молодежи» и слушая старинные песни и сказки³². Впечатления от крестьянской жизни в Поволжье отразились в его лирике: поэт стилизует народную песню («Ягодка ль спелая...», «Очи, очи-незабудки...»), пишет «народный рассказ»

³² Киселева Л.<Н.> Барон Розен о себе [Электронный ресурс]. // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf (дата обращения: 10.03.2023)

в стихах «Домовой» (1833), стремится, подобно А.А. Дельвигу, создать на отечественном материале оригинальный опыт идиллии («Родник»). При этом метод работы Розена с народными образами и мотивами, как мы отметили при анализе названных произведений, близок к методу В.А. Жуковского и А.А. Дельвига: автор «облагораживает», «очищает» фольклор, придает не свойственную ему правильность, стремясь опереться на него и возвыситься над ним.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования по каждой из глав, часть из которых вынесена в качестве положений на защиту, и сделаны обобщения по всему тексту диссертации.

Сотрудничество Розена в различных журналах и альманахах 1820-х – 1840-х гг. сообщало его литературной судьбе своеобразный драматизм, который интересно было проследить в нашей работе: поэт, исходя из своих убеждений (не уступать вкусам публики), не хотел становиться литературным поденщиком, но несколько раз предпринимал попытки жить только за счет литературного труда. Эти попытки ожидаемо оказывались неудачными. Чтобы упрочить свое материальное положение в 1830-е гг., Розену приходилось по протекции дважды устраиваться на государственную службу (сначала адъютантом при дежурном генерале Главного штаба, потом, после очередного перерыва, – секретарем цесаревича Александра Николаевича).

Неслучайно Розен подчеркивал, говоря о своих отношениях с Пушкиным, что «во всех собственно житейских делах» они были «совершенно чужды друг другу» и единственной между ними связью были разговоры о литературе³³. По складу мыслей и кругу друзей Розена можно причислить к «литературным аристократам», а по жизненным обстоятельствам – к журнальным и альманашным авторам, вынужденным примыкать к изданиям, предлагающим большой гонорар. Эта раздвоенность преследовала писателя всю жизнь: Розен колебался между двумя моделями поведения, двумя амплуа – «свободного творца», друга Пушкина и Жуковского, и весьма среднего журналиста

³³ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 273.

и альманашика.

В работе нам удалось значительно расширить представление о взаимоотношениях Розена с Пушкиным и «пушкинским кругом писателей», обозначив ряд «белых пятен». Следует отметить, что этот труд нуждается в продолжении: так, мы указали на необходимость прояснить роль Пушкина в русской публикации сцены «Ограда монастырская» и в работе над либретто к опере «Жизнь за царя». Лирические опыты Розена также должны быть рассмотрены более пристально в пушкинском контексте, подобно тому, как рассматриваются драмы и другие сочинения Розена в связи с «Борисом Годуновым».

В Приложении 1 «Летопись жизни и творчества Е.Ф. Розена» представлена первая попытка систематизировать сведения о жизни и трудах Розена. С опорой на работы В.Э. Вацура и Л.Н. Киселевой, а также использованием материалов периодики 1820–1850-х гг., обращаясь к «летописям» жизни и творчества А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, М.И. Глинки, В.Г. Белинского, мемуарам современников, переписке Розена, архивным документам, мы подготовили хронологический свод данных, составивших «летопись» жизни и творчества поэта. Эта работа позволила нам систематизировать сведения о личных контактах Розена с Пушкиным, Дельвигом, Воейковым и др., уточнить ряд фактов и датировок, атрибутировать Розену часть анонимных публикаций. Так, мы уточнили год написания стихотворения «Святополк», дату знакомства Розена с Пушкиным (между 24 и 27 февраля 1829 г.) и Дельвигом (3 марта 1829 г.), учли прежде не изученные публикации Розена в газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» под криптонимом «Р.» (рецензия на роман Н.И. Греча «Поездка в Германию», заметки «Литературная новость», «Поправка ошибки» и эпиграмма на Н.А. Полевого «Историческою дрянью...»), а также публикацию в журнале «Сын отечества и Северный архив» с подписью «Б-н Р-н». Розену была также впервые атрибутирована значительная часть анонимных рецензий в журнале «Сын Отечества» второй половины 1840-х гг. Впервые введены в научный оборот переданные Розеном мнения Пушкина

о Н.А. Полевом и, вероятно, В.Г. Белинском.

В **Приложении 2 «Письма Е.Ф. Розена»** помещены сохранившиеся в архивах письма Розена к Ф.Н. Глинке, А.И. Подолинскому, А.Ф. Воейкову, И.В. Киреевскому, В.Ф. Одоевскому (письма на русском языке) и П.А. Вяземскому. Письма Розена печатались мало и отрывочно, а установление всех розеновских адресатов остается делом будущего. Наша публикация полного текста писем дает представление о литературных контактах Розена, прежде всего с литераторами из ближайшего окружения Пушкина. Письма также раскрывают отношение Розена к литературной критике и цензуре, сотрудничеству с издателями. Свидетельствуют они и о литературной репутации барона в 1820-е – 1850-е гг.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих **публикациях** автора:

I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Куц Н.В.* Барон Е.Ф. Розен и «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (1831–1832) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 3. С. 58–69. ИФ РИНЦ – 0, 252.
2. *Куц Н.В.* История России в поэзии Е.Ф. Розена 1820-х годов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 4. С. 122–131. ИФ РИНЦ – 0, 203.
3. *Куц Н.В.* Е.Ф. Розен в пушкинском «Современнике» // Litera. 2023. № 8. С. 189–197. ИФ РИНЦ – 0, 203.
4. *Куц Н.В.* Е.Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г. // Litera. 2023. № 12. С. 96–102. ИФ РИНЦ — 0, 203.

II. Научные статьи, опубликованные в других изданиях:

5. *Куц Н.В.* К вопросу о литературных отношениях А.С. Пушкина

и барона Е.Ф. Розена: контекст «Бориса Годунова» // И в просвещении
стать с веком наравне. Сборник статей / под общ. ред. Н.И. Михайловой.
Москва: Издательство ИКАР, 2018. С. 125–138.

6. *Куц Н.В.* Е.Ф. Розен как сотрудник журнала «Московский вестник» и пропагандист русской литературы в Остзейском крае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2401–2406. ИФ РИНЦ — 0, 234.